

разу не попытавшись танцевать. Нельзя быть «философом» вне конкретной практики понимания, интерпретации, изложения или переложения текстов, идей, ответа на них и полемики с ними. Другой областью человеческой деятельности, в которой неразрывность «понимания» и «применения» оказывается наиболее отчетливой, является юридическая практика. Понимание всегда предполагает то или иное применение человеком понимаемого в собственной жизненной практике.

Языковость

Тезис, который Гадамер использует для разъяснения указанной закономерности исторического понимания (понимание прошлого всегда происходит на языке современности), теперь, в контексте идей аппликации, может послужить разъяснению еще одной закономерности, присущей всякому пониманию, — его языкового характера. Если нельзя понимать, не интегрируя понимаемое в контекст собственного опыта, то это значит, что такая интеграция невозможна без умения выразить понимаемое в языке. Люди часто ссылаются на «присутствующее» у них понимание, которое, однако, они не способны озвучить в слове. Оправдываясь, они вспоминают о «все понимающих», но «бессловесных» животных. Эта практика подтверждает наиболее распространенное заблуждение. Неспособность к выражению как раз и свидетельствует о проблематичности понимания, для которого языковая выраженность принципиально необходима. Всякое понимание имеет языковой характер. Как и понимание, язык не есть инструмент. Этот параллелизм между пониманием и языком можно выразить в следующем тезисе: все, что может быть понято, дано в сфере языка, и наоборот, все языковое доступно пониманию.

С такого рода концепцией герменевтики связан отказ Гадамера трактовать понимание как вчувствование, эмпатию, «перенесение себя на место другого», — что, вообще говоря, достаточно традиционно не только для классиков, таких как Дильтей, Гуссерль, Теодор Липпс, но и для авто-